

БАРАНЫ,
Восточная сказка.

Халифъ сидѣль однажды, какъ сидять халифы: на парчѣ или бархатѣ, поджавъ ноги, развалившись въ подушкахъ, съ янтаремъ въ зубахъ; длинный чубукъ, какъ боровокъ, проведенный отъ дымовья печки до устья въ трубу, лежалъ, кинутый небрежно поперегъ парчи, атласу и бархату, вплоть до золотаго подносу на вальяжныхъ ножкахъ, съ бирюзой и яхонтами, на которомъ покоилась красная глиняная трубка, съ золотыми по краямъ стрѣлками, съ курчавыми цвѣточками и ободочками. Поль бѣлаго мрамора; небольшой серебристый водометъ по срединѣ — усыпительный однообразный говоръ бьющей и падающей струи, казалось, заботливо услуживалъ Халифу, напѣвая ему: покойной ночи.

Но Халифу не спалось: озабоченный общимъ благомъ, спокойствiemъ и

счастіемъ народа, онъ пускалъ клубы дыма то въ усь, то въ бороду, и хмуриль брови. Ночь наступила, а Халифъ и не думалъ еще о нынѣшней своей избранницѣ гарема, и старый, беззубый церберъ, неусыпный стражъ красоты и молодости, дряхлый Эѳіопъ, не переступалъ еще съ обычнымъ зовомъ завѣтнаго порога, не растворяль широкаго раструба безобразныхъ усть своихъ для произнесенія благозвучнаго имени одного изъ прелестнѣйшихъ существъ въ мірѣ.

Халифъ тихо произнесъ: Мелекъ — и раболѣпный Мелекъ стояль передъ нимъ, наклонивъ голову, положивъ правую руку свою на грудь. Халифъ, молча и не покидая трубки, подаль пальцемъ едва замѣтный знакъ, и Мелекъ стояль уже передъ повелителемъ своимъ, съ огромнымъ плащемъ простой бурой ткани и съ бѣлой чалмой безъ всякихъ украшеній, въ рукахъ. Халифъ всталъ, надѣль бѣлуу простую чалму, накинувъ бурый плащъ, въ которомъ ходить одинъ только простой народъ, и вышелъ. Вѣрный Мелекъ, зная

обязанность свою, пошель украдкой за нимъ слѣдомъ, ступая, какъ кошка, и не спуская повелителя своего съ глазъ.

Дома въ столицѣ Халифа были всѣ такой легкой постройки, что жильцы обыкновенно разговаривали съ прохожими по улицѣ возвысивъ нѣсколько голосъ. Прислонившись ухомъ къ простѣнку, можно было слышать все, что въ домѣ говорится и дѣлается. Вотъ зачѣмъ пошелъ Халифъ.

«Судья, Казы, неумолимъ,» жаловался плачевный голосъ въ какой–то мазанкѣ, похожей съ виду на дождевикъ, выросшій за одну ночь, «Казы жестокъ; бирюзу и оправу съ сѣдла моего я отдалъ ему, послѣдній остатокъ отцевскаго богатства, и только этимъ могъ искупить жизнь свою и свободу. О, великий Халифъ, если бы ты зналъ свинцовую руку и желѣзные кохти своего Казы, ты бы заплакалъ вмѣстѣ со мною!»

Халифъ задумчиво побрель домой: на этотъ разъ онъ слышалъ довольно. «Казы сидить одинъ на судилищѣ своеемъ,»

размышляль Халифъ, «онъ дѣлаеть, что хочетъ, онъ самовластенъ, можетъ дѣйствовать самоуправно и произвольно: отъ этого все зло. Надобно его ограничить; надобно придать ему помощниковъ, которые свяжутъ произволъ его; надо бно поставить и съ боку, рядомъ съ нимъ, наблюдателя, который повѣрялъ бы всѣ дѣла Казыя на вѣсахъ правосудія, и доносиль бы мнѣ каждодневно, что Казы судить правдиво и безпристрастно.»

Сказано — сдѣлано: Халифъ посадиль еще двухъ судей, по правую и по лѣвую руку Казы, повелѣль называться этому суду Судилищемъ трехъ правдивыхъ мужей — поставилъ знаменитаго Умму, съ золотымъ жезломъ, назвавъ его халифскимъ приставомъ правды. — И судилище трехъ правдивыхъ сидѣло и называлось по волѣ и фирманду халифскому, и свидѣтель халифскій, приставъ правды, стояль и доносиль каждодневно: все благополучно.

«Каково же идуть теперь дѣла наши,» спросиль Халифъ однажды у пристава

своего, «творится ли судъ и правда, и милость, благоденствуетъ ли народъ?»

— Благоденствуетъ, Великій Государь, — отвѣчалъ тотъ; — и судъ, и правда, и милость творится; нѣть Бога кромѣ Бога и Мохаммедъ его посолъ. Ты излилъ благодать величія, правды и милости твоей, сквозь сито премудрости, на удрученныя палящимъ зноемъ, обнаженныя главы народа твоего; живительныя капли росы этой оплодотворили сердца и уста подданныхъ твоихъ на произрастаніе древа, коего цвѣть есть благодарность, признательность народа, а плодъ благоденствіе его, устроенное на незыбленныхъ основаніяхъ на почвѣ правды и милости. —

Халифъ быль доволенъ, покоясь опять на томъ же пушистомъ бархатѣ, передъ тѣмъ же усыпляющимъ водометомъ, съ тѣмъ же неизмѣннымъ янтарнымъ другомъ въ устахъ — но рѣчь пристава показалась ему что-то кудреватою; а Халифъ, хоть и привыкъ уже давно къ восточной яркости красокъ, запутанности узоровъ и пышной

роскоши выражений, успѣль однакоже научиться не довѣрять напыщенному слову приближенныхъ своихъ.

«Мелекъ», произнесъ Халифъ — и Мелекъ стояль передъ нимъ, въ томъ же работѣпномъ положеніи. Халифъ подалъ ему извѣстный знакъ.

«Удостой подлую рѣчь раба твоего», сказаль Мелекъ, «удостой, о Великій Халифъ, не края священного уха твоего, а только праха, попираемаго благословенными стопами твоими, и ты не пойдешь сегодня подслушивать, а будешь сидѣть здѣсь, въ покоѣ.»

— Говори, — отвѣчалъ Халифъ.

«О, Великій Государь, голосъ одинъ: народъ, вѣрный народъ твой вопіеть подъ беззащитнымъ гнетомъ. Когда быль Казы одинъ, тогда была у него и одна только, собственная своя, голова на плечахъ; она одна отвѣчала и онъ ее беригъ. Нынѣ у него три головы, да четвертая у твоего пристава; они раздѣлили страхъ на четыре части и на каждого пришлось по четвертой долѣ. Мало было цѣлаго, теперь еще стало меньше.

Одного волка, Великій Государь, кой–какъ насытить можно, если иногда и хватить за живое — стаи собакъ не насытишь, не станетъ мяса на костяхъ.»

Халифъ призадумался, смолчаль, насупилъ брови и чело его сокрылось въ непроницаемомъ облакѣ дыма. Потомъ янтарь упалъ на колѣни, Халифъ долго въ задумчивости перебиралъ пахучія четки свои, кивая медленно въ ладъ головою.

«Меня называютъ самовластнымъ,» подумалъ онъ, «но ни власти, ни воли у меня нѣть. Голова каждого изъ негодяевъ этихъ конечно въ моихъ рукахъ; но отрубивши человѣку голову, сократишь его, а нравственныя качества его не измѣнишь. Основать добро и благо, упрочить счастіе и спокойствіе каждого не въ устахъ работѣпныхъ блудолизовъ моихъ, и на самомъ дѣлѣ, — это труднѣе, гораздо труднѣе, чѣмъ пустить въ свѣтъ человѣка безъ головы. Перевѣшать подданныхъ моихъ гораздо легче, чѣмъ сдѣлать ихъ честными людьми; попытаюсь однакоже: надобно ограничить еще болѣе

самоуправство, затруднить подкупъ раздробленіемъ дѣль, по предметамъ, по роду ихъ и другимъ отношеніямъ, на большее число лицъ, мѣсть и степеней; одно лице дѣйствуетъ самопроизвольно, а гдѣ нужно согласіе многихъ, тамъ правда найдеть болѣе защиты.»

И сдѣлалось все по волѣ Халифа: гдѣ сидѣль прежде и судилъ и рядилъ одинъ, тамъ сидять семеро, важно разглаживають мудрыя бороды свои, замысловатые усы, тянуть кальянъ и судять и рядятъ дружно. Все благополучно.

Великій Халифъ съ душевнымъ удовольствіемъ созерцалъ въ свѣтломъ умѣ своемъ вновь устроенное государство: считаль по пальцамъ, считаль по четкамъ, огромное множество новыхъ слугъ своихъ, слугъ правды — и радовался, умильно улыбаясь, что правосудіе нашло въ Халифатѣ его такую могучую опору, такой многочисленный оплотъ противу зла и неправды.

«Еще ли не будуть счастливы вѣрные рабы мои,» сказалъ онъ, «ужели они не

благоденствуютъ теперь, когда я оградиль и собственность и личность каждого фаудтами, то есть цѣлыми баталіонами недремлющей стражи, оберегающей заботливо священное зерцало правосудія отъ туску и ржавчины? Тлетворное дыханіе нечистыхъ не смѣеть коснуться его; я вижу: зерцало отражаетъ лучи солнечные въ той же чистотѣ какъ воспріяло ихъ.»

Опять позвалъ Халифъ Мелека, опять скрылся отъ очей народа въ простую чалму и смурый охобень; опять пошелъ подъ стѣнками тѣсныхъ, извилистыхъ улицъ; — часто и прилежно Халифъ прикладывалъ чуткое ухо свое къ утлымъ жилищамъ вѣрноподданныхъ — и слышалъ одни только стенанія, однѣ жалобы на ненасытную корысть новаго сонма недремлюющихъ стражей правосудія.

«Растолкуй мнѣ, Мелекъ,» сказалъ Халифъ въ недоумѣніи и гнѣвномъ негодованіи, «растолкуй мнѣ, что это значитъ? я не вѣрю ушамъ своимъ; быть не можетъ!»

— Государь, — отвѣчалъ Мелекъ, — я человѣкъ темный, слышу глазами, вижу руками: только то и знаю, что ощупаю. Позволь мнѣ привести къ тебѣ старого Хуршита — онъ жилъ много, видаль много; слово неправды никогда не оскверняло чистыхъ усть его, онъ скажеть тебѣ все. —

«Позови.»

Хуршитъ вошелъ, Хуршитъ изъ черни, изъ толпы, добывающій себѣ насущное пропитаніе кровнымъ потомъ.

«Хуршитъ, что скажешь?»

— Что спросишь, повелитель; не подай голосу, и отголосокъ въ горахъ молчитъ, не смѣеться отклинувшись. —

«Скажи мнѣ прямо, смѣло, — но говори правду — когда было лучше, теперь или прежде?»

— Государь, — сказалъ Хуршитъ, послѣ глубокаго вздоху, — при отцѣ твоемъ было тяжело. Я былъ тогда овчарникомъ, какъ и теперь, держаль и своихъ овецъ. Что бывало проглянетъ молодая луна на небѣ, то и ташишь на плечахъ къ Казыю своему барана: тяжело было. —

«А потомъ?» спросиль Халифъ.

— А потомъ, Государь, стало еще тяжеле: прибавилось начальства надъ нами, прибавилось и тяги, стали мы таскать на плечахъ своихъ по два барана. —

«Ну, а теперь, говори!»

— А теперь, Государь, — сказалъ Хуршитъ, весело улыбаясь, — слава Богу, совсѣмъ легко! —

«Какъ такъ?» вскричалъ обрадованный Халифъ.

Хуршитъ подняль веселые каріе глаза свои на Халифа, и отвѣчалъ спокойно:

— Гуртомъ гоняемъ. —
